

УДК 124.1:13:82(47)

ББК 87.3(2)53-8:83.3

Дмитрий Дмитриевич Романов

Российский Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, кафедра социальной философии, кандидат философских наук, доцент, Россия, Москва, e-mail: romanovbook@yandex.ru

Софиологический и персоналистический аспекты интерпретаций концепции хаоса в поэзии Ф.И. Тютчева в русской философии

Аннотация. Хаос занимает центральное место в системе поэтических образов Ф.И. Тютчева, однако до сих пор слабо отрефлексировано его соотношение с онтологической категорией свободы, концептуализация которой происходит в русской философии, представленной в данном исследовании традицией софиологии и персонализма. Обращение к философским системам В.С. Соловьева, С.Л. Франка и С.Н. Булгакова обосновано спецификой прочтения и интерпретации ими тютчевского наследия и схожестью в трактовке концепции хаоса как субстанциального начала реальности. Проанализированы результаты современных отечественных и зарубежных философских исследований концепций хаоса в их связи с поэзией, мистикой и творчеством русских религиозных мыслителей. Утверждается, что наиболее продуктивным для осмысления мистического аспекта хаотического начала может стать сопоставление его репрезентаций в лирике Тютчева и онтологической гносеологии Н.А. Бердяева. Предложена трактовка понятия свободы как ключевой характеристики порождающего начала хаоса, лежащего в основе персоналистического бытия. Выявлены связи категорий хаоса, свободы и личности с концепцией *Ungrund*, обозначены линии расхождения в понимании природы Божества, космической иерархии, личностной реальности, пути Эроса и Танатоса у Бердяева и Тютчева. Дан обзор основных аспектов философии свободы Бердяева и его метода интерпретации мистического начала, причинности и субстанции в качестве инструментария для дискурсивного анализа философской поэзии Тютчева. Делается вывод, что корреляция свободы и хаоса как концепций софиологического и персоналистического учения осуществляется в русской философии через мистическое понимание творческого первоначала, вдохновением и интуитивным стимулом которого выступает поэзия Тютчева.

Ключевые слова: философская поэзия Ф.И. Тютчева, концепция хаоса, концепция *Ungrund*, аполоническое, дионисийское, онтологическая гносеология, персоналистически-экзистенциальный подход, софиология В.С. Соловьева, мистика, космическая иерархия

Dmitry Dmitrievich Romanov

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, department of social philosophy, PhD, associate professor, Russia, Moscow, e-mail: romanovbook@yandex.ru

Sophiological and personalistic aspects of chaos concept in F.I. Tyutchev's poetry interpretations in Russian Philosophy

Abstract. The concept of chaos occupies a general place in F.I. Tyutchev's poetic images system, however, its relationship with freedom as an ontological category, which is conceptualized in Russian philosophy, represented in this study by sophiology and personalism tradition, is still poorly reflected. It is proved that the appeal to the philosophical systems of Solovyov, Frank and Bulgakov is caused by the specifics of Tyutchev's legacy understanding and similarity in conception of chaos as the substantial principle of reality. The results of modern domestic and foreign philosophical researches on the chaos conception in its connection with poetry, mysticism and the concepts of Russian religious thinkers are analyzed. It is argued that the most productive way to comprehend the chaotic principle mystical aspect may be to compare its representation in Tyutchev's lyrics and N.A. Berdyaev's ontological epistemology. The interpretation of freedom concept as a key characteristic of the chaos generative basis underlying the personalistic existence is proposed. The connections of chaos, freedom and personality categories with Ungrund concept are revealed, the lines of Berdyaev and Tyutchev's thoughts divergence in understanding the nature of Deity, cosmic hierarchy, personal reality, the path of Eros and Thanatos are outlined. Berdyaev's philosophy of freedom main aspects overview and his method of interpreting the mystical principle, causality and substance as a tool for Tyutchev's philosophical poetry discursive analysis is given. It is concluded that the correlation of freedom and chaos as the sophiological and personalistic concepts is carried out in Russian philosophy through the creative principle mystical understanding, inspiration and intuitive stimulus of which is Tyutchev's poetry.

Key words: Tyutchev's philosophical poetry, concept of chaos, concept of Ungrund, Apollonian, Dionysian, ontological gnoseology, personalistic-existential approach, V.S. Solovyov's sophiology, mysticism, cosmic hierarchy

DOI: 10.17588/2076-9210.2025.3.132-145

Сложно переоценить значение лирики Ф.И. Тютчева в качестве источника вдохновения для развития русской философии, при этом следует отметить, что, несмотря на многообразие трактовок и подходов к проблемам, отраженным в ней, в отечественной философской мысли соблюдается «единый стержневой принцип»¹ – согласие в разнообразии. И сам Тютчев «стремится найти в вечном потоке преходящих явлений отражения вечно сущего бытия»², что характеризует его самого как глубокого философа, а его лирическое наследие, вслед за Е.А. Тахо-Годи, можно назвать «образно-художественной формой философского освоения действительности»³.

Неоднократно в исследованиях поэтики Тютчева высказывалась мысль о специфической органичности хаоса и стихии жизни, отраженной поэтом, что с

¹ См.: Горынина И.Л. Традиция философского осмысления творчества Ф.И. Тютчева (обзор материалов к сборнику «Ф.И. Тютчев в русской философской критике») // Вестник Омского университета. 2003. № 4. С. 81 [1].

² См.: Левит С.Я. Поэтическая философия Ф.И. Тютчева // Вестник культурологии. 2020. № 1(92). С. 163 [2].

³ См.: Takho-Godi E.A. The interactions between literature and philosophy: a view from Russia // Studies in East European Thought. 2020. № 72. P. 197 [3].

особой проникновенностью выражено В.С. Соловьёвым, сравнивающим Тютчева с Гете в контексте постижения «темного корня мирового бытия»⁴. Сама форма лирического поэтического высказывания способствует этому, будучи, с одной стороны, актом глубоко личностного переживания, с другой – структурной целостностью выражения, даже если сам предмет выражения содержательно отрицает и структуру, и цельность, как, например, хаос и стихийные начала. Обращение философии к поэзии связано с интуитивным поиском аутентичности в ракурсе субъекта и основания реальности в ракурсе объекта. Телеологическое положение о том, что «главное качество поэзии заключается в том, что она по-новому концентрирует внимание и “открывает” новый мир внутри известного мира»⁵, можно дополнить онтологически комплементарным утверждением существования некоего «субстрата» для этого известного мира, его имплицитного основания (или первореальности), о котором сообщает поэтическое высказывание (соблюдая принцип мимезиса). Так, современный исследователь английской поэзии А. Бенерджи возвращает нас к вопросу о непреходящей миссии поэта, утверждая, что современная цивилизация укрывается от этой первореальности «зонтиком» видимостей, прячась от обступающего ее хаоса – состояния без законов и правил, мира нерационального. Однако, по мнению Бенерджи, наступает «кризис человечества, когда мы должны вернуться к хаосу. Пока зонтик служит, поэты делают в нем прорезы, и массы людей могут постепенно научиться видеть сквозь щель»⁶. Цель поэзии в таком случае состоит в обнаружении органичной (той или иной логике цивилизационного развития) оптики для созерцанию хаоса при творении нового космоса (так, например, В.В. Бычков трактует рецепцию тютчевского хаоса в теургической эстетике В.С. Соловьёва⁷), а поэзия Ф.И. Тютчева и репрезентирующая его интуиции через концепции софиологии и персонализма традиция русской философии оказываются адекватны экзистенциальным вызовам современного человека.

В «Очерках синергической антропологии» (2005 г.) С.С. Хоружий, говоря о виртуальности как неизмеримом регионе бытия, скрытом от человека, но тем вечно его влекущем, обращается к словам Тютчева:

Как океан объемлет шар земной,
Так наша жизнь кругом объята снами⁸.

⁴ См.: Непомнящий И.Б. Об одном из возможных источников статьи В. Соловьёва о Тютчеве // Соловьёвские исследования. 2012. Вып. 1(33). С. 71 [4].

⁵ См.: Banerjee A. Chaos in Poetry // Banerjee A. D.H. Lawrence's Poetry: Demon Liberated. London: Palgrave Macmillan, 1990. P. 69 [5].

⁶ Там же. С. 70.

⁷ См.: Бычков В.В. Русская теургическая эстетика. М.: Ладомир, 2007. С. 64 [6].

⁸ Цит. по: Хоружий С.С. Очерки синергической антропологии. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. С. 117 [7].

Примечательно, что и С.Л. Франк обращается к этим же строкам в схожем контексте⁹, уподобляя жизнь души стихии, в которой рациональному взгляду открыт только малый островок суши, регион утилитарной достоверности. Вся же душевная жизнь в ее целом – это океан, как хаос, как нечто неоформленное, но потенциально великое вокруг этого островка. Франк говорит, между прочим, что подобное прозревал и мистик Я. Беме¹⁰. Так и С.Н. Булгаков, возводя Тютчева в круг свидетелей Софии, пишет: «Иногда природа вещает прямо своей мистической глубиной. Так возникает мистика природы... к ее представителям относится такой, напр., мыслитель, как Я. Беме, мифотворец природы, которого надлежит поэтому называть не боговдохновенным, но природовдохновенным. Таков поэтический ясновидец “хаоса” Тютчев» [10, с. 60]. Эта же имплицитная софийность, намеками явленная во внимании к хаотической и оттого вечно живой природе, обуславливает и частые адресации лирики Тютчева к женщине и к ночи. В его поэзии темы мрака, сна, ночной жизни, интериорности, женственности, любви и забвения неразрывно связаны с блаженством через страдание и отрешение.

Хоружий, обращаясь к тютчевскому уподоблению сновидческого и океанического, утверждает, что персонализированная жизнь есть оппозиция сну, виртуальности, где личность как бы теряет единство, распадаясь на массочное существование. Но, если мы обратимся к другому стихотворению Тютчева, станет понятно, что для него сны, как раз наоборот, и есть существо персональности, правда, еще не обретшей целостности, не преобразенной духовным путем жертвы. А вот реальность – это как бы жизнь субперсональная, до-личностная, то, что Франк именует всеобщей стихией (Мы-бытие), трансцендентным субстратом для рождения личности как имманентности. Начала сомнамбулического персонализма Тютчева обнаруживаются в следующих строках:

Я в хаосе звуков лежал оглушен,
Но над хаосом звуков носился мой сон [11, с. 151].

Экзистенциальное бодрствование обнаруживает метафизическое одиночество «Я» и вместе с тем отрицает его диссолюцию в хаотической стихии через саморефлексию погруженности в аполлоническое состояние упорядоченного мира, объявленного онтологическим сном:

⁹ См.: Франк С.Л. Душа человека // Франк С.Л. Реальность и человек. М.: Республика, 1997. С. 4–207 [8].

¹⁰ См.: Франк С.Л. Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия // Франк С.Л. Реальность и человек. М.: Республика, 1997. С. 208–432 [9].

Но все грезы насквозь, как волшебника вой,
Мне слышался грохот пучины морской [11, с. 151].

Здесь звучит уже мотив дионисийства как стихии до-личностной, еще не дифференцированной жизни (ζωή), и Тютчев словно вторит А. Шопенгауэру или предвосхищает экзистенциализм С. Кьеркегора¹¹. Хаос природно-сильного начала неумолимо откроет свой зев перед эфемерным культурным миром индивида, сотрет его жерновами неумолимой Ананке, растворит в волнах мирового океана. Символизм свободной водной стихии вообще характерен для поэзии Тютчева¹² – это фалесова вода, безобразная и вечная материя, способная принимать любую форму, но сама всегда – до формы – первична. «В тексте книги Бытия Бездна, Пучина или Хаос иногда используются как синонимы, когда теологи и библиисты пытаются описать “воды”, над которыми витал Дух Божий», – замечает М. Комптон в своем исследовании соотношения хаоса и свободы в русской философии [14, р. 37]. Форма же, которую приобретает этот субстрат воды, – сновидческое образование, вуаль, наброшенная на реальность, но под ее тонким покровом всегда «шевелится хаос». Причем Тютчев называет его «родимым»¹³, что можно толковать в натурфилософском значении генезиса, наподобие рождения вещей из апейрона у Анаксимандра, – индивидуумы являются из этого лона и туда же возвращаются вновь. Справедливо отмечено, что индивидуализированные в тютчевской лирике «Я» и «Ты» выступают в качестве «лексико-метафизической субстанции, маркирующей Событие Встречи и его внутреннюю онтологию»¹⁴, предвещающую софиологическое преобразование тварного бытия. Хотя следует обратить внимание, что персонология, о которой речь идет в цитируемом исследовании, понимает личность как интегральную конструкцию, явленную в данном случае через ипостасное местоимение, а персонализм, развиваемый в рамках русской философии, делает акцент на экзистенции. Тем не менее сопоставление двух подходов позволяет выявить между ними общее, заключающееся в том, что хаос обретает еще одно свойство – в нем содержится потенциал для примирения мирового разногласия

¹¹ См.: Mysovskikh L. O. The formation of a unique paradigm of religious existentialism in the poetry of Fyodor Tyutchev // *Sententia. European Journal of Humanities and Social Sciences*. 2022. № 4. Р. 24 [12].

¹² См.: Голованевский А.Л. Место человека и природы в водной и воздушной стихии Ф.И. Тютчева // *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. 2012. Т. 2, № 3(23). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-cheloveka-i-prirody-v-vodnoy-i-vozduшной-stihii-f-i-tyutcheva> (дата обращения: 14.10.2024) [13].

¹³ См.: Тютчев Ф.И. О чем ты воешь, ветр ночной? // Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. и писем. В 6 т. Т. 1. Стихотворения 1813–1849 / сост. В.Н. Касаткина. М.: Издательский центр «Классика», 2002. С. 133 [15].

¹⁴ См.: Океанский В.П., Шишова И.А. Персонологические особенности софиологии Ф.И. Тютчева // *Соловьёвские исследования*. 2002. Вып. 2(4). С. 180 [16].

творчеством Премудрости, что находит отголосок в строках стихотворения В.С. Соловьева «На Сайме зимой» (1894 г.), в которых София названа «темного хаоса светлая дочь»¹⁵. Но, чтобы вступить на путь этого преображения, надо сначала исчерпать тягу к обыденности – пройти через окончательный распад, познать смерть, чтобы обрести жизнь. И потому концепции дионисийства органично начало Танатоса, возвращающего все к своему до-личностному началу.

Об этом начале как об экзистенциальной глубине, но уже не в софиологическом, а в мистико-онтологическом аспекте Мы-бытия говорит С.Л. Франк, и это отмечает С.А. Левицкий: «Можно провести параллель между ролью Тютчева в нашей поэзии и ролью Франка в нашей философии – для обоих характерна погруженность в вечное и зоркость к временному и современному» [18, с. 438]. Франк, рассуждая о сотворении мира, делает акцент на том, что это событие свершается в некоем начале (ἐν ἀρχῇ) как в субстрате: «Это “начало” – или, по нашей терминологии, эта реальность – есть первичная основа или первичный субстрат вселенского бытия, – и в нем мир и человеческая душа образуют солидарное единство и стоят в отношении исконного внутреннего сродства» [9, с. 415]. Про это начало и писал Тютчев, когда говорил о своем хаосе. Внутреннее сродство с ним, абсолютную солидарность личность может испытать в состоянии поэтического экстаза, питаясь от этого начала, от бытийных ключей, которые не возмущаются словом и пребывают в неназываемой тайне, что намечает выход к еще одному мотиву – тайны и мистики как предельного выражения свободы, лежащих в основании персонализма.

На наш взгляд, ближе всего к Тютчеву именно в экзистенциальном воззрении на проблему свободы концептуально находится Н.А. Бердяев, производящий корреляцию хаоса и свободы в концепте *Ungrund*, под которым он понимает исток бытия, неоформленного, неопределенного границами и мерами рационального, где невозможна детерминация, но действует лишь стихийный волюнтаризм. Однако от античности, рецептированной С.Е. Раичем (учителем Тютчева), и немецкого романтизма, наследником которых выступает Тютчев, Бердяев предлагает обратиться к средневековой мистике: «В отличие от мысли греческой германская мысль признает, что в первооснове бытия лежит иррациональное, не выразимое в понятиях начало. Тайна, *Ungrund*» [19, с. 140]. Свою философию свободы Бердяев выстраивает, вдохновленный творениями Беме, Ангелиуса Силезиуса, Иоганна Таулера, Мейстера Экхарта – тех, для кого первоочередными становятся интуиции божественного мрака, внутренней тишины, в которой рождается Божество, глубинного переживания духовной реальности. От этой же интуиции тайны как основы мироздания черпает вдохнове-

¹⁵ См.: Соловьев В.С. На Сайме зимой // Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы / вступ. ст. и сост. З.Г. Минц. Л.: Сов. писатель, 1974. С. 107 [17].

ние метафизика Вечной Женственности, учение об Эросе и сакральности пола. Бердяев утверждает: «Без женственной стихии нет мистики, все мистики жили под несказанным обаянием женственности, но подлинная религиозная мистика требует активного овладения и оформления женственного начала мужественным» [20, с. 227]. В отношении философской лирики Тютчева справедливо и первое, и второе – женственное начало проявляется в лирике любви, смерти и рока, для которых характерно ночное сознание и мотив тайны. В то же время мистическое содержание не растворяет и не затемняет смысла, но подчинено ему, что характерно для логоцентрической религиозной позиции следования за Словом. Лирика Тютчева не возмущает глубинных ключей¹⁶, да и сама ими не возмущена. Мраком хаотической стихии вдохновлено и, главное, наполнено, например, творчество декадентов, парнасцев, отчасти младосимволистов. В лирике же Тютчева, напротив, происходит их феноменологическое исследование с возможностью соотнесения созерцающего как лирического героя и созерцаемого как его глубинного основания, оказывающегося тождественным основанию мироздания. Гносеологическая установка на предмет и онтология связи внутренне-личностного и глубинно-бытийного уровней через полвека уже в философии Бердяева получают название «онтологической гносеологии». В этом Тютчев-поэт – настоящий мистик, по Бердяеву, а сам лирический герой Тютчева выступает светоносным началом, высвечивающим смысловые структуры хаоса, дающим его не в виде феноменов-покровов и мистических символов, а в ноуменальном виде. Поэтому лирика Тютчева столь философична в своей ориентации на метафизику света и Логоса.

На сегодняшний день существует крайне мало исследований, в которых сопоставляются философские позиции Бердяева и Тютчева, однако видится ракурс, адекватный для подобного сопоставления, – тема хаоса, свободы и личности. Метод познания существа свободы Бердяев называет «онтологической гносеологией», которая «исходит из того, что нам нечто дано до всякой рациональной рефлексии, до самопогружения и объективирования, до самого разделения на субъект и объект. Есть первичное, нерационализированное сознание, в котором даны живые связи с бытием, дано первоощущение бытия и происходящей в нем драмы» [20, с. 128]. Это «первоощущение» с предельной смысловой емкостью выражено в тютчевской формуле «Все во мне и я во всем»¹⁷ – и именно «в час тоски невыразимой»¹⁸, предельного экзистенциаль-

¹⁶ Отсылка к стихотворению «Silentium», где автор указывает на метод взаимодействия с внутренними силами человеческого духа, соединенных с темным основанием мироздания (см.: Тютчев Ф.И. Silentium // Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. письма. В 6 т. Т. 1. Стихотворения 1813–1849 / сост. В.Н. Касаткина. М.: Издательский центр «Классика», 2002. С. 123).

¹⁷ См.: Тютчев Ф.И. Тени сизые смешались // Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. и писем. В 6 т. Т. 1. Стихотворения 1813–1849 / сост. В.Н. Касаткина. М.: Издательский центр «Классика», 2002. С. 159 [21].

ного переживания, обнажающего драму бытия, в которой интуитивным познанием художника обнаруживается онтологическая укорененность. Это драма – со всеми ее рожденьями и гибелью, преодолением деперсонифицирующего детерминизма манифестацией тревожащего и вместе с тем конституирующего самостийную онтологию принципа свободы. Следует отметить явное присутствие в ней мотива дионисийства. Бердяев утверждает, что путь дионисийства – растворение в первостихии с целью избавления от страдания, тягот и пределов конечного индивидуального бытия. Границы всего, утверждавшего себя как цельное и самостоятельно единичное, разрушаются на этом пути к хаосу. Но вот Бердяев продолжает: «Личность есть боль, и борьба за реализацию личности есть страдание. Эта борьба за личность предполагает жертву, но жертва никогда не означает отказа от личности» [19, с. 128]. Такое понимание личности глубоко религиозно, и в этом проявляется наиболее существенный аспект связи персонализма с творчески-философской интуицией Тютчева. Можно утверждать, что, несмотря на дионисийские интенции, его лирика глубоко христианская в своем стремлении к растворению не как к цели, но как к средству для дальнейшего преображения. В ней раскрывается, каким образом хаос может входить в иерархии – личностно-органического бытия соборного тела, государственной или природного порядка (движение солнца, звезд, самих пылающих бездн, стихийно живых и влекущих к диссолюции понятийных структур), – всего того, в чем явлены порядки сверхприродные. Очень точно говорит об этом В.С. Соловьев в посвященной Тютчеву статье: «Хаос, т.е. отрицательная беспредельность, зияющая бездна всякого безумия и безобразия, демонические порывы, восстающие против всего положительного и должного – вот глубочайшая сущность мировой души и основа всего мироздания. Космический процесс вводит эту хаотическую стихию в пределы всеобщего строя, подчиняет ее разумным законам, постепенно воплощая в ней идеальное содержание бытия, давая этой дикой жизни смысл и красоту» [22, с. 475]. Хаос не мыслится Тютчевым как противостоящий божественному творению распад, как и София Премудрость не противопоставлена Богу-Творцу. В этом отражен гностический миф о пребывании Софии в плену порожденного ею самой же хаоса и преображении последнего через ее воззвание к Спасителю. По замечанию лютеранина Ф. Хефнера, интегрирующего идеи русской религиозной философии в контекст своей теории со-творческой эволюции, традиция Бердяева и Тютчева (в противоположность учению Платона) – это «помещение принципа энтропии в Бога»¹⁹. Созвучно с этим утверждение комплементарной связи теологии

¹⁸ См.: Тютчев Ф.И. Тени сизые смешались. С. 159.

¹⁹ См.: Hefner Ph. God and Chaos: The Demi-Urge Versus the Ungrund // Zygon(r). 2005. № 19(4). P. 472 [23].

и математической теории хаоса в представлении протестанта Дж. Полкингхорна. Невозможность корреляции между информационной и энергетической причинностями, а также ситуация «открытости будущего» приводит автора к заключению, что хаос может быть понят как имманентность, хотя и неполная, Бога в мире. Это контраргумент против утверждаемой наукоцентричным деизмом абсолютной трансцендентности, поскольку «божественные и тварные действия переплетаются; создания могут сотрудничать с Творцом»²⁰, реализуя принцип теургии. Такое всеобъемлющее начало, предельная цельность, в которой и одновременно из которой реализуется творчество, вышеназванная традиция и обозначается термином *Ungrund*. Само это понятие принадлежит Якобу Беме (тоже протестанту, что связывает его с Хефнером и Полкингхорном), однако названному Тютчевым «христианским пантеистом» и «одним из величайших умов, которые когда-либо проходили земное поприще»²¹. Наряду с переводом строф самого Беме, такое отношение может свидетельствовать о глубоко знакомстве Тютчева с философией Беме. Однако именно Бердяев осуществляет адаптацию этого учения к христианской мистике XX в., прошедшей через призму масонства и софиологии.

По Бердяеву, в человеческой личности, осуществляющей связь Бога и природы, реализуется первоначало бытия через свободное творчество и его связь с *Ungrund*, о котором возможно только апофатическое знание. Принцип волюнтаризма, провозглашенный Беме, здесь предпочитается рационализму классической античности, хотя Бердяев и сопоставляет *Ungrund* с Логосом Гераклита как вне-каузальной причиной генезиса космического порядка. Можно предположить, что понимание Бердяевым свободы как атрибута личности сопоставимо с пониманием хаоса как глубинной персоналистической реальности у Тютчева. Генеалогически это понимание восходит к классическому мифу. Так, Б. Пауэлл в мифологеме хаоса усматривает импульс для развития космогонического «мифа о наследовании», отождествляя хаос в космогоническом мышлении древних с «творящей пучиной» и «исток»²². Также и В.Н. Топоров отмечает, что «важнейшая черта Хаоса – это его роль лона, в котором зарождается мир, содержание в нём некой энергии, приводящей к порождению» [27, с. 581]. В этом таинственном лоне осуществляется *coincidentia oppositorum*: «Свобода есть предельная тайна. Она одинаково порождает и зло и добро, не выбирает, а порождает... Это есть то, что называют предельным понятием

²⁰ См.: Smedes T. Chaos: Where science and religion meet? A critical evaluation of the use of chaos theory in theology // *Studies in Science & Theology* 8. Yearbook of the European Society for the Study of Science and Theology. 2002. № 8. P. 281 [24].

²¹ См.: Тютчев–Блудову. Начало 1860-х гг. // Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. и писем в 6 т. Т. 6. Письма 1860–1873 / сост. Л.Н. Кузина. М.: Издательский Центр «Классика», 2004. С. 66–67 [25].

²² См.: Powell B. A short introduction to classical myth. New Jersey: Pearson Education, 2002. P. 91 [26].

(Grenzbegriff). Зло не имеет причины и основания, оно из свободы... Бог есть свобода, а не причина» [19, с. 115–116]. Примечательно, что Ф. Коплстон, сопоставляя позиции Шеллинга и Бердяева, утверждает, что для обоих, как и для всей линии мистического богословия и вдохновленной им философии, Ungrund является «таинственной бездной и пустотой»²³, лоном первопричин и самой «субстанцией» свободы. Если хаос есть родящее начало, он также не является причиной, и Бердяев, по мнению Коплстона, находится на грани неоплатонического мистицизма и пантеизма, утверждая рождение мира из Божества. У Тютчева же ни хаос, ни свобода не являются качествами Божества. Напротив, Божество есть власть, вершина иерархии, устраивающая все структуры бытия. Бердяев же в духе вечного поиска в книге своего зрелого периода «Философия неравенства» (1923 г.) как бы возражает себе самому «раннему», признавая необходимость и органичность иерархий государственной державы как земного выражения космической красоты для борьбы с распадом мирового хаоса²⁴, что роднит его во взглядах с убежденным монархистом и государственнымником Тютчевым.

«Свобода» у Бердяева, особенно в творчестве раннего периода, сродни свободе героя античного театра, который выступает против детерминированного космоса, установленного порядка (например, Прометей против Зевса у Эсхила). И тогда герою надо нести ответственность за эту свободу – страдать. Страдание, по Бердяеву, не просто следствие реализации духа, у него есть цель, и она за пределами космоцентрически упорядоченной действительности, в неотмирном, где совпадают противоположности и, следовательно, позитивистская рациональность оказывается недостаточной. Таким образом, свобода как первоначало у Бердяева является в мир через множественность творческих форм благодаря экзистирующей личности, которая утверждает ее имманентность. Свобода не может быть объективирована в мире вещей, ею движет Эрос, уводящий ее в идеальное, туда, где нет разделенности на одно и иное, на добро и зло, в Ungrund как единое лоно, из которого рождается все. Мистика – ключ к учению Бердяева о личности, поскольку личность – это именно то, что атрибутируется свободой, страданием, движением и потенцией для достижения трансцендентного единого, лона Ungrund.

Продолжая аналогию с античной трагедией, следует отметить, что в случае с Тютчевым сам этот хаос Ungrund скрыт за маской трагического героя, как за вуалью. Хаос назван Тютчевым «родимым» именно благодаря своей суб-

²³ См.: Copleston F. *Philosophy in Russia: From Herzen to Lenin and Berdyaev*. London: Bloomsbury Publishing, 2010. P. 377 [28].

²⁴ См.: Бердяев Н.А. *Философия неравенства* (письма к недругам по социальной философии) // *Философия неравенства* / сост. и отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2012. С. 19–303 [29].

станциональности. Является множество частных или лиц (масок), явления источника в наблюдаемый мир как формы, и сам язык Тютчева формально точен до предела. Но форма – только аполлонический «сон», а за ним скрыта донисийская стихия волн. Однако Тютчев не останавливается на этой ницшеанской дихотомии, а осуществляет интенцию жертвенности, чтобы не солипсически заполнять собой весь мир, но, отрехшись от себя, увидеть и свою маску и внутренний хаос с позиции Другого, – он говорит о жертве Христа. Личность у Тютчева рождается в акте созерцания внутренней бездны, и в этом стремлении и умении созерцать хаос, вопреки стремлению к объективации упорядоченного космоса, заключен принцип свободы. Словно поэт призывает нас, вторя Гете, умереть и переродиться в совершенной форме. И если у Бердяева в трансцендентное и хаотично-хтоническое лоно бытия уводит Эрос, то «мир души ночной» у Тютчева движем Танатосом. Но только для того, чтобы встретиться там с победителем смерти, с распятием и воскрешением.

Таким образом, проблема хаоса в лирике Тютчева, софиологии Соловьева и напрямую связанной с ней мистической онтологии Франка и Булгакова решается через конституирование органичного родства первоосновы бытия и личностной экзистенции, а сравнение философских интуиций Бердяева и Тютчева выявляет два репрезентируемых ими различных метода движения к единству, к основе множественности, индивидуальности и феноменальности при тождестве самой этой основы. Исходя из устоявшейся в русской философской традиции репрезентации, можно утверждать, что в своем персоналистическом учении Бердяев именует свободой то, что оказывается родственным по смыслу субперсональному хаосу в поэзии Тютчева.

Список литературы

1. Горынина И.Л. Традиция философского осмысления творчества Ф.И. Тютчева (обзор материалов к сборнику «Ф.И. Тютчев в русской философской критике») // Вестник Омского университета. 2003. № 4. С. 78–81.
2. Левит С.Я. Поэтическая философия Ф.И. Тютчева // Вестник культурологии. 2020. № 1(92). С. 162–175.
3. Takho-Godi E.A. The interactions between literature and philosophy: a view from Russia // Studies in East European Thought. 2020. No. 72. P. 195–203.
4. Непомнящий И.Б. Об одном из возможных источников статьи В. Соловьева о Тютчеве // Соловьёвские исследования. 2012. Вып. 1(33). С. 70–74.
5. Banerjee A. Chaos in Poetry // Banerjee A. D.H. Lawrence's Poetry: Demon Liberated. London: Palgrave Macmillan, 1990. P. 69–75.
6. Бычков В.В. Русская теургическая эстетика. М.: Ладомир, 2007. 743 с.
7. Хоружий С.С. Суть дела // Хоружий С.С. Очерки синергичной антропологии. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. С. 13–122.
8. Франк С.Л. Душа человека // Франк С.Л. Реальность и человек. М.: Республика, 1997. С. 4–207.

9. Франк С.Л. Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия // Франк С.Л. Реальность и человек. М.: Республика, 1997. С. 208–432.
10. Булгаков С.Н. Свет невечерний. М.: Республика, 1994. 416 с.
11. Тютчев Ф.И. Сон на море // Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. и писем: в 6 т. Т. 1. Стихотворения 1813–1849 / сост. В.Н. Касаткина. М.: Изд. центр «Классика», 2002. С. 151.
12. Mysovskikh L.O. The formation of a unique paradigm of religious existentialism in the poetry of Fyodor Tyutchev // *Sententia. European Journal of Humanities and Social Sciences*. 2022. No. 4. P. 20–28.
13. Голованевский А.Л. Место человека и природы в водной и воздушной стихии Ф.И. Тютчева // *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. 2012. Т. 2, № 3(23). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-cheloveka-i-prirody-v-vodnoy-i-vozdushnoy-stihii-f-i-tyutcheva> (дата обращения: 14.10.2024).
14. Compton M.S. Chaos and freedom: Nicolai Berdyaev and The Encounter with the West. New-York: Library of congress, 2022. 399 p.
15. Тютчев Ф.И. О чем ты воешь, ветер ночной? // Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. и писем: в 6 т. Т. 1. Стихотворения 1813–1849 / сост. В.Н. Касаткина. М.: Изд. центр «Классика», 2002. С. 133.
16. Океанский В.П., Ширшова И.А. Персонологические особенности софиологии Ф.И. Тютчева // *Соловьёвские исследования*. 2002. Вып. 2(4). С. 178–189.
17. Соловьёв В.С. На Сайме зимой // Соловьёв В.С. Стихотворения и шуточные пьесы / вступ. ст. и сост. З.Г. Минц. Л.: Сов. писатель, 1974. С. 107.
18. Левицкий С.А. С.Л. Франк // Франк С.Л. Реальность и человек. М.: Республика, 1997. С. 438–450.
19. Бердяев Н.А. Дух и реальность // Бердяев Н.А. Дух и реальность. М.: Харвест, 2011. С. 3–198.
20. Бердяев Н.А. Философия свободы. М.: Академический проект, 2024. 279 с.
21. Тютчев Ф.И. Тени сизые смесились // Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. и писем: в 6 т. Т. 1. Стихотворения 1813–1849 / сост. В.Н. Касаткина. М.: Изд. центр «Классика», 2002. С. 159.
22. Соловьёв В.С. Поэзия Ф.И. Тютчева // Соловьёв В.С. Философия искусства и литературная критика / сост. и вступ. ст. Р.А. Гальцевой и И.Б. Роднянской. М.: Искусство, 1991. С. 465–483.
23. Hefner Ph. God and Chaos: The Demi-Urge Versus the Ungrund // *Zygon(r)*. 2005. No. 19(4). P. 469–485.
24. Smedes T. Chaos: Where science and religion meet? A critical evaluation of the use of chaos theory in theology // *Studies in Science & Theology* 8. Yearbook of the European Society for the Study of Science and Theology. 2002. No. 8. P. 277–294.
25. Тютчев–Блудову. Начало 1860-х гг. // Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. и писем: в 6 т. Т. 6. Письма 1860–1873 / сост. Л.Н. Кузина. М.: Изд. центр «Классика», 2004. С. 66–67.
26. Powell B. A short introduction to classical myth. New Jersey: Pearson Education, 2002. 229 p.
27. Топоров В.Н. Хаос первобытный // *Мифы народов мира: Энциклопедия в 2 т. Т. 2* / под ред. С.А. Токарева. М.: Сов. энциклопедия, 1980. С. 581–582.
28. Copleston F. Philosophy in Russia: From Herzen to Lenin and Berdyaev. London: Bloomsbury Publishing, 2010. 462 p.
29. Бердяев Н.А. Философия неравенства (письма к недругам по социальной философии) // *Философия неравенства* / сост. и отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2012. С. 19–303.

References

(Sources)

Collected Works

1. Tyutchev, F.I. Son na more [Dream in the sea], in Tyutchev, F.I. *Polnoe sobanie sochineniy i pisem v 6 t., t. 1* [Complete Works and Letters in 6 vols., vol. 1]. Moscow: Izdatel'skiy tsentr «Klassika», 2002, p. 151.

2. Tyutchev, F.I. O chem ty voesh', vetr nochnoy? [What are you howling about, night wind?], in Tyutchev, F.I. *Polnoe sobanie sochineniy i pisem v 6 t., t. 1* [Complete Works and Letters in 6 vols., vol. 1]. Moscow: Izdatel'skiy tsentr «Klassika», 2002, p. 133.

3. Tyutchev, F.I. Teni sizye smesilis' [The blue-grey shadows blended], in Tyutchev, F.I. *Polnoe sobanie sochineniy i pisem v 6 t., t. 1* [Complete Works and Letters in 6 vols., vol. 1]. Moscow: Izdatel'skiy tsentr «Klassika», 2002, p. 159.

4. Tyutchev–Bludovu. Nachalo 1860-kh gg. [Tyutchev–Bludov. Early 1860's years], in Tyutchev, F.I. *Polnoe sobanie sochineniy i pisem v 6 t., t. 6* [Complete Works and Letters in 6 vols., vol. 6]. Moscow: Izdatel'skiy tsentr «Klassika», 2004, pp. 66–67.

Individual Works

5. Banerjee, A. Chaos in Poetry, in Banerjee, A. D.H. Lawrence's Poetry: Demon Liberated. London: Palgrave Macmillan, 1990, pp. 69–75.

6. Berdyaev, N.A. Dukh i real'nost' [Spirit and reality], in Berdyaev, N.A. *Dukh i real'nost'* [Spirit and reality]. Moscow: Kharvest, 2011, pp. 3–198.

7. Berdyaev, N.A. *Filosofiya svobody* [Philosophy of freedom]. Moscow: Akademicheskiiy proekt, 2024. 279 p.

8. Berdyaev, N.A. Filosofiya neravenstva (pis'ma k nedrugam po sotsial'noy filosofii) [Philosophy of inequality (Letters to the enemies in social philosophy)], in Berdyaev, N.A. *Filosofiya neravenstva* [Philosophy of inequality]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii, 2012, pp. 19–303.

9. Bulgakov, S.N. *Svet nevecherniy* [Non-evening light]. Moscow: Respublika, 1994. 416 p.

10. Compton, M.S. Chaos and freedom: Nicolai Berdyaev and The Encounter with the West. New York: Library of Congress, 2022. 399 p.

11. Copleston, F. Philosophy in Russia: From Herzen to Lenin and Berdyaev. London: Bloomsbury Publishing, 2010. 462 p.

12. Frank, S.L. Real'nost' i chelovek. Metafizika chelovecheskogo bytiya [Reality and a human. Metaphysics of human existence], in Frank, S.L. *Real'nost' i chelovek* [Reality and a human]. Moscow: Respublika, 1997, pp. 208–432.

13. Frank, S.L. Dusha cheloveka [Human soul], in Frank, S.L. *Real'nost' i chelovek* [Reality and a human]. Moscow: Respublika, 1997, pp. 4–207.

14. Khoruzhiy, S.S. Sut' dela [The essence of matter], in Khoruzhiy, S.S. *Ocherki sinergizmy antropologii* [Essays on Synergistic anthropology]. Moscow: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, 2005, pp. 13–122.

15. Levitskiy, S.A. S.L. Frank [S.L. Frank], in Frank, S.L. *Real'nost' i chelovek* [Reality and a human]. Moscow: Respublika, 1997, pp. 438–450.

16. Powell, B. A short introduction to classical myth. New Jersey: Pearson Education, 2002. 229 p.

17. Solov'ev, V.S. Na Sayme zimoy [On Saimaa in winter], in Solov'ev, V.S. *Stikhotvoreniya i shutochnye p'esy* [Poems and comic plays]. Leningrad: Sovetskiy pisatel', 1974, p. 107.

18. Solov'ev, V.S. Poeziya F.I. Tyutcheva [F.I. Tyutchev's poetry], in Solov'ev, V.S. *Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika* [Philosophy of art and literary criticism]. Moscow: Iskusstvo, 1991, pp. 465–483.

(Articles from Scientific Journals)

19. Gorynina, I.L. Traditsiya filosofskogo osmysleniya tvorchestva F.I. Tyutcheva (obzor materialov k sborniku «F.I. Tyutchev v russkoy filosofskoy kritike») [The tradition of F.I. Tyutchev's work's philosophical understanding (review of materials for the collection "F.I. Tyutchev in Russian Philosophical Criticism")], in *Vestnik Omskogo universiteta*, 2003, no. 4, pp. 78–81.
20. Hefner, Ph. God and Chaos: The Demi–Urge Versus the Ungrund, in *Zygon(r)*, 2005, no. 19(4), pp. 469–485.
21. Levit, S.Ya. Poeticheskaya filosofiya F.I. Tyutcheva [The poetic philosophy of F.I. Tyutchev], in *Vestnik kul'turologii*, 2020, no. 1(92), pp. 162–175.
22. Mysovskikh, L.O. The formation of a unique paradigm of religious existentialism in the poetry of Fyodor Tyutchev, in *Sententia. European Journal of Humanities and Social Sciences*, 2022, no. 4, pp. 20–28.
23. Nepomnyashchiy, I.B. Ob odnom iz vozmozhnykh istochnikov stat'i V. Solov'eva o Tyutcheve [About one of the possible sources of V. Solovyov's article about Tyutchev], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2012, issue 1(33), pp. 70–74.
24. Okeanskiy, V.P., Shirshova, I.A. Personologicheskie osobennosti sofologii F.I. Tyutcheva [Personological features of F.I. Tyutchev's sophiology], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2002, issue 2(4), pp. 178–189.
25. Takho-Godi, E.A. The interactions between literature and philosophy: a view from Russia, in *Studies in East European Thought*, 2020, no. 72, pp. 195–203.

(Articles from Proceeding and Collections Researcher Papers)

26. Smedes, T. Chaos: Where science and religion meet? A critical evaluation of the use of chaos theory in theology, in Gregersen, N.H., Görman, U., Meisinger H. (eds.) *Studies in Science & Theology 8. Yearbook of the European Society for the Study of Science and Theology*, 2002, no. 8, pp. 277–294.
27. Toporov, V.N. Khaos pervobytnyy [The primal chaos], in Tokareva, S.A. (ed.) *Mify narodov mira: Entsiklopediya v 2 t., t. 2* [World nation's myths: an encyclopedia in 2 vols., vol. 2]. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1980, pp. 581–582.

(Monographs)

28. Bychkov, V.V. *Russkaya teurgicheskaya estetika* [Russian theurgic aesthetics]. Moscow: Ladomir, 2007. 743 p.

(Electronic Resources)

29. Golovanevskiy, A.L. Mesto cheloveka i prirody v vodnoy i vozduшной stikhii F.I. Tyutcheva [The place of human and nature in the water and air elementalism of F.I. Tyutchev], in *Uchenye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, vol. 2, no. 3(23). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-cheloveka-i-prirody-v-vodnoy-i-vozduшной-stihii-f-i-tyutcheva> (Date of access: 14.10.2024).